

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук Мартыненко Татьяны Сергеевны на тему «Концепции социального неравенства в западной социологии последней трети XX – начала XXI века» по специальности 22.00.01 – «теория, методология и история социологии» (социологические науки)

Проблема социальной дифференциации в широком смысле (не только по параметрам материального достатка) всегда лежала в основе непрекращающихся научных и общественных дискуссий о критериях и моделях справедливо-го/правильного/должного социального устройства. Для российского общества эта проблема имеет особое значение: на протяжении XX столетия она постоянно оказывалась в центре политических и экономических споров, а также идеологической борьбы, серьезнейшим образом неоднократно переформатировавшей социальную структуру. Сегодня мы живем в какофонической социальной системе, где критерии престижа и успешности предельно размыты, чему способствуют и объективные трансформации глобализирующегося мира, интенсифицируемые развитием информационных технологий, и менее унифицированные изменения идентификационных моделей на уровне локальных сообществ, отдельных государств и геополитических образований. Все это определяют *актуальность* диссертационного исследования, цель которого фактически состоит в поиске ответов на вопрос, каковы те модели социального неравенства, сквозь призму которых социологам следует изучать бурно и многогранно меняющуюся действительность.

Автор ставит перед собой сложнейшую (и амбициозную) задачу – структурировать (хотя в тексте используются понятия «классифицировать» и «типологизировать») концепции социального неравенства, сложившиеся в западной социологии за последние полвека. Несмотря на сложность задачи, *достоверность и обоснованность* положений и выводов диссертации не вызывают сомнений, хотя нередко имеют дискуссионный характер (впрочем, для теоретической работы это скорее достоинство, чем недостаток). Во Введении автор кор-

ректно задает контекст своих поисков, отмечая как традиционность вопросов социального неравенства для социологии, так и обретение ими нового «измерения» в эпоху расцвета информационных технологий в глобализирующемся мире – это сложнейшее по конфигурации сочетание прежних форм социальной дифференциации (экономических и классовых) и новых (идентификационных и стилевых) в очень подвижных границах – от локальных сообществ до общемирового уровня. Во Введении автор четко обозначает и характер своих изысканий – теоретическое фундаментальное исследование, хотя прояснение оснований социологического анализа неравенства имеет и важное практическое значение. В диссертации речь идет исключительно о концептуальных понятиях, лежащих в основе разных аналитических моделей, без перехода к конкретным эмпирическим индикаторам (поэтому отсылки к эмпирике в тексте редки и носят иллюстративный характер).

Научной новизной характеризуется и замысел диссертации, и его реализация: во-первых, автор предлагает собственную группировку современных концепций социального неравенства (специальные, партикулярные и универсальные), обосновывая ее как объективными изменениями нынешней социальности, так и проблемами социологической дисциплины, в которой не заданы четкие границы между концептуальными моделями социального неравенства; во-вторых, автор реконструирует категориальный аппарат этих моделей, показывая возможности и ограничения разных методологических подходов к изучению социального неравенства в зависимости от того, как именно определяется данное понятие с точки зрения своих критериев, масштабов и последствий.

Научно-практическая значимость диссертации определяется несколькими возможными направлениями использования содержащихся в ней материалов, в частности, в учебных программах по общей социологии, истории социологии, современным социологическим теориям (социальной стратификации, мобильности) и др.

Структура работы продиктована ее задачами и отличается продуманностью и логичностью: в первой главе систематизированы определения неравенства, контексты его рассмотрения в социологии и попытки их типологизации, обоснована предлагаемая автором группировка современных концепций неравенства; последующие три главы посвящены этим концепциям, и повествование разворачивается от условно локального (специального) уровня социального неравенства до глобального (универсального). Специальные концепции неравенства представлены во второй главе конструктивистскими и индивидуалистическими подходами; партикулярные концепции, выходящие за пределы национальных государств, рассмотрены в третьей главе на примере сетевых теорий и моделей доступа; универсальные концепции, представляющие современный мир как единое взаимосвязанное социальное пространство, представлены в четвертой главе в формате системного, критически-глобализационного, транснационального и многомерного подходов.

Учитывая сложность и масштаб решаемых автором задач, диссертационное исследование не может не порождать ряд вопросов-замечаний:

(1) Работе явно не хватает критического компонента – не в смысле критики рассматриваемых концепций, а в плане обозначения их существенных ограничений. Скажем, в тексте упоминается как важная задача «выявление оптимального уровня неравенства» – автор считает, что таковой можно определить и, тем более, соблюсти сегодня или на перспективу? А может ли считаться оптимальным «нулевой» уровень неравенства, как предлагали известные социальные утопии прошлого (и отчасти глобальные крестьянские движения сегодня)? Почему «общество без расслоения, с реальным равенством их членов – это миф», а оптимальный уровень неравенства – не миф?

Или: соглашаясь с идеей З. Баумана о глобальности современной элиты и локальности низших слоев, автор не замечает противоречивости этого противопоставления, хотя упоминает наличие глобального Севера (та самая глобальная элита) и глобального Юга (глобальные низшие слои, занятые в сельскохозяйственном и промышленном производстве в интересах глобальных элит).

На протяжении работы автор неоднократно упоминает утрату собственности (и материальным благосостоянием в целом) ключевой дифференцирующей роли, но ведь сегодня важнейший (для автора) фактор социального неравенства – доступ к информационным и интеллектуальным ресурсам – детерминирован именно экономически (как для разных стран, так и внутри них, если сопоставить возможности сельского и городского населения, например).

(2) Автор предлагает интересный вариант систематизации способов социологической концептуализации социального неравенства, но, к сожалению, не проводит сопоставительный анализ специальных, партикулярных и универсальных концепций, что делает текст слишком перечислительным и лишает его важной аналитической перспективы. Предлагаемая типология воспринимается автором как сама собой разумеющаяся (хотя неоднократно упоминается, что любая классификация, в том числе собственная, – лишь аналитический прием) и проводящая четкие демаркационные границы между тремя типами концепций социального неравенства. Однако когда автор рассматривает конструктивистские подходы, возникает предположение, что концепции социального неравенства можно разделить на две группы: те, что считают неравенство дискурсивно конструируемым (кстати, ряд версий дискурс-анализа отрицает существование не-дискурса), и те, что признают два формата неравенства – дискурсивно конституируемое и «объективное» (скажем, это практики пространственной сегрегации в рамках расовой дискриминации). Кроме того, автор рассматривает в качестве примера критического дискурс-анализа модель Т.А. ван Дейка, которая считается «лингвистической», тогда как существуют более «социологические» версии дискурс-анализа, в частности разработанные Н. Фэйркло и Р. Бартом.

Или: автор упоминает, что важно не только неравенство как таковое, но и его восприятие – как справедливого или несправедливого: значит, можно развести концепции социального неравенства по этому основанию? Ведь вряд ли «неравенство [как таковое] подрывает уровень доверия и солидарности», порождая конфликты, а вот несправедливость – несомненно.

Подобные вопросы постоянно возникают в ходе чтения диссертации, потому что три типа концепций социального неравенства сложно развести по причине совпадения не только категориального аппарата (так, специальные модели, как и партикулярные, используют понятие «доступ»), но и предметно-практических аспектов. Так, когда автор ссылается на работы Т.А. ван Дейка как представителя специальной концепции социального неравенства, можно вспомнить, что в одной из статей он рассматривает выступление Т. Блэра, призванное убедить британские власти ввести войска в Ирак, т.е. в рамках критического дискурс-анализа (специальная концепция) происходит переход к универсальной концепции неравенства (глобальный мир как поле политической борьбы акторов, не укладывающейся в границы национального государства).

Таким образом, диссертации (особенно Заключение) не хватает критического и сопоставительного акцентов, которые бы позволили не только провести четкие демаркационные границы между разными моделями социального неравенства, но и показать, по каким основаниям подобных жестких разграничений следовало бы избегать.

(3) Тематические акценты диссертации оказались несколько смещены по ряду условных «шкал». Так, несмотря на заданную во Введении и в целом выдерживаемую в тексте фокусировку на теоретическом уровне, для диссертации характерны некоторые разрывы эмпирического и теоретического анализа, которые автор не всегда замечает. В частности ориентация «российских исследований преимущественно на изучение отдельных видов социального неравенства» может объясняться не тем, что «отечественная наука по сравнению с западной социологией не отличается вариативностью подходов», а тем, что российские авторы работают с неравенством чаще на эмпирическом уровне, а в зарубежной науке оно хорошо исследовано и здесь, и в теории, причем и в узкой фокусировке тоже (яркий пример – гендерные исследования). Автор считает, что российской социологии не достает и предложенной им в диссертации «концептуальной матрицы теорий социального неравенства», однако дело не только в отсутствии этой матрицы, но и в объекте изу-

чения: например, в России слабы традиции низовой мобилизации (на локальном уровне), поэтому страна не представлена и в глобальных движениях (типа Виа Кампесины), но это факт объективной действительности, а не результат отсутствия познавательного инструмента.

Другой пример смещенного тематического акцента – избыточная фокусировка на глобализации и определенное игнорирование глокализации (ее определение дано только на с.144), хотя последняя оказала ничуть не меньшее влияние на методологию социологического анализа неравенства, в частности, на развитие качественного подхода в эмпирических исследованиях (например, по упоминаемой автором миграционной проблематике). Кроме того, глокализация ярко проявляется во множестве уголков мира, в том числе в формате радикальной архаизации (возрождения «старых» неравенств), когда люди отказываются от тех самых информационно-коммуникативных технологий, которые автор (совершенно справедливо) считает ключевым фактором нынешних трансформаций отношений социального неравенства в глобальных масштабах.

(4) Некоторые вопросы вызывает используемый автором без дополнительных пояснений категориальный аппарат. Так, в диссертации речь идет о методологических принципах и концептуальных определениях, но автор предпочитает словосочетание «базовая понятийность». В целом представляется слишком сильным утверждение о «трансформации предметной сферы» социологии и утрате словом «общество» прежнего содержания и определенности, хотя «ткань» социальности действительно изменилась и требует уточнения «языков» своего описания (но «глобальное общество» – это не другое общество, а новый уровень анализа прежнего предмета социологии). В тексте встречаются неточности (например, лингвисты давно не рассматривают язык как «автономный объект», поэтому в XX веке произошло как минимум два поворота – лингвистический и нарративный) и недоговоренности: скажем, когда речь идет об участии дискурса – в версии Т.А. ван Дейка – в детерминации эксплуатации, имеется ли в виду классическая марксистская ее версия? В чем различие «междисциплинарных» и «трансдисциплинарных»

исследований? Почему гендерное и расовое неравенство стали «новейшими видами неравенства» и каковы тогда традиционные его формы, и т.д.

В целом высказанные замечания носят уточняюще-рекомендательный характер, поскольку обусловлены не только сложностью достаточно успешно решаемых автором задач, но и самим исследовательским замахом – навести окончательный порядок в обозначенном предметном поле (совокупность концептуальных моделей социологического анализа социального неравенства) в рамках отдельно взятой диссертации не представляется возможным. Однако предельно важна сама постановка подобной задачи и обоснование одного из возможных вариантов ее решения.

Диссертация прошла внушительную *апробацию*: ее основные положения и выводы представлены в десяти статьях, опубликованных в научной печати (в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки и утвержденных Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова); результаты работы докладывались на научных конференциях, содержательные акценты которых предполагали решение задач методологического поиска по вопросам изучения глобального социального неравенства, социокультурной детерминации идентификационных паттернов, метафоричности мобильности, антиутопических образов неравенства и др.

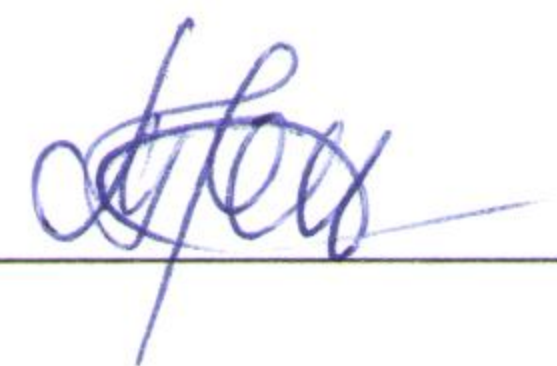
Автореферат в полной мере отражает содержание диссертации.

Диссертация Мартыненко Т.С. «Концепции социального неравенства в западной социологии последней трети XX – начала XXI века» является самостоятельным завершенным научным исследованием, соответствующим паспорту специальности 22.00.01 – «теория, методология и история социологии» (социологические науки) и критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, оформлена согласно приложениям №5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Соискатель Мартыненко Татьяна Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.01 – «теория, методология и история социологии» (социологические науки).

Официальный оппонент:

Доктор социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии
факультета гуманитарных и социальных наук
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
Троцук Ирина Владимировна

4 декабря 2017 г.

Подпись доктора социологических наук, доцента Троцук И.В. заверяю:
Ученый секретарь факультета гуманитарных и социальных наук РУДН,
кандидат исторических наук, доцент
Понька Татьяна Ивановна

Контактные данные:

Тел.: +7(916) 130-9146, e-mail: trotsuk_iv@rudn.university

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

22.00.01 – теория, методология и история социологии

Адрес места работы:

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»

Тел.: +7 (495) 433-2022; e-mail: fgsn.dek@rudn.university